

2. Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон: [принят 29 дек. 2004 г. № 188 - ФЗ: по состоянию на 10 окт. 2016 г.] [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

3. Алексикова, О. Е. Социальная сущность конституционного права на жилище в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 1 (25). С. 241-245.

4. Алексикова, О. Е. Роль органов государственной власти и органов местного самоуправления в реализации гражданами Российской Федерации права на жилище путем жилищного строительства // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5. С. 265-278.

5. Власов, А.В. Жилищная политика в России: состояние и тенденции развития / А.В. Власов // Научный альманах. 2016. № 1-1(15). С. 67-71.

6. Пушкина, А.В. Наименее затратные для государства способы решения жилищной проблемы / А.В. Пушкина // Социальная справедливость и право. 2016. № 2. С. 219-226.

Шульга Р.Ю.

КОНЕЦ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА? ВЫТЕСНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА ПАРАДИГМОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье анализируются современные тенденции в международном праве через призму переоценки ценности прав и свобод человека в современных международных отношениях. Исследуется действующее российское законодательство в части введения ограничений на реализацию свободы слова. Критически оцениваются существующий в России преобладающий «охранительный» подход в законодательстве и правоприменении, вытесняющий идеологию прав человека. Сделаны выводы о необходимости создания действенных гарантий прав человека в целях установления согласия в обществе и достижения справедливости.

В современных условиях можно наблюдать, что международное право «из мерила законности ... становится политическим инструментом» [3, с. 86]. Конкуренция между государствами стала объективной реальностью, где сильный побеждает, невзирая на правовые рамки. Международное право стало использоваться государствами и другими факторами исходя из логики баланса сил, что становится особенно опасным в условиях «инфляции» прав человека.

Мир постепенно отходит от вестфальской системы международных отношений к новой – поствестфальской формуле. Такие изменения носят структурный, типологический характер (это особенно стало заметным после ситуаций в Ираке, на Балканском полуострове, в Ливии, Иране, Сирии

и теперь Украине). Ключевым моментом данного типологического характера изменений служит избирательная легитимность, что само по себе предполагает наличие властной элиты, санкционирующей эту легитимность, а также неугодных стран с ограниченным суверенитетом [4, с. 103-112].

Поствестфальская система закрепляет в общественном сознании специфические черты нового квазиправа, характеризующегося нечёткостью норм, превалированием политических интересов, ролью государств на международной арене, неформальным характером отдельных международных организаций, непубличностью принимаемых решений.

Как отмечает Д. Валадес, в последнее время наметилась тенденция подмены права практическими действиями. Политика периода постмодерна исходит из установки, противоположной воззрениям эпохи правового позитивизма: если последний избегал политики, то первая игнорирует право. В итоге правовые нормы, призванные предупреждать и разрешать конфликты, мало-помалу подменяются политическими консенссуальными договорённостями [1, с. 126].

Аргументы о необходимости безопасности граждан, защиты от террористических угроз используются авторитарными режимами для оправдания прямых нарушений прав человека.

Существующая российская реальность показывает как за последние годы парадигма мнимой безопасности вытеснила заложенную в Конституцию идею о высшей ценности человека, его прав и свобод; когда у власти находятся бывшие и действующие сотрудники спецслужб, а принимаемое «охранительное» законодательство является свидетельством того, что Россия взяла курс на приближение к Северной Корее в целях осуществления тотального контроля государства за гражданами [5].

Принятый в 2016 году в России так называемый «пакет Яровой», предоставивший Федеральной службе безопасности (далее – ФСБ) осуществлять тотальный контроль за гражданами стал угрозой для нарушений права на неприкосновенность частной жизни и принципа недискриминации и в связи с этим актуализировал вопрос о необходимости выстраивания действенных механизмов для гражданского контроля над спецслужбами. Национальная безопасность и соблюдение конституционных прав и свобод человека возможны только в том случае, если спецслужбы, которые в соответствии с Федеральным законом «О Федеральной службе безопасности» наделены широким кругом полномочий в сфере обеспечения безопасности России, будут находиться под усиленным контролем со стороны гражданского общества [7].

В последнее время со стороны властей предприняты агрессивные шаги по ограничению конституционно гарантированной свободы искать, получать, передавать и распространять информацию, в частности, в глобальной сети интернет. Так, с 1 августа 2014 года вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, ин-

формационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [6], в соответствии с которым вводится в правовой оборот понятие «блогер» - «владелец сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет», на которых размещается общедоступная информация и доступ к которым в течение суток составляет более трёх тысяч пользователей сети «Интернет»» (пункт 1 статьи 10.2 указанного закона), при этом закон не даёт понятия кого следует понимать «владельцем сайта и (или) страницы в сети «Интернет»», то есть если буквально толковать указанную норму закона под блогерами можно понимать любое физическое или юридическое лицо независимо от его (их) географической локализации. В законе также отсутствует методика расчёта посетителей того или иного сайта и (или) страницы блогера.

Кроме того, на блогеров возлагаются обязанности по соблюдению законодательства о выборах и референдуме, проверять достоверность размещаемой информации, порядок распространения массовой информации и другие. При этом права, которыми пользуются редакции СМИ и журналисты, предусмотренные законодательством о СМИ, на блогеров не распространяются. Таким образом, необходимо признать, что принятый закон изобилует противоречиями, закреплённые нормы закона имеют высокую степень правовой неопределённости, «расширяют поле для произвольных действий должностных лиц государственных органов в отношении граждан и юридических лиц, чьим правам и законным интересам может быть нанесён серьёзный ущерб» [2].

Ограничения прав граждан на пользование глобальной сетью интернет через введение запретительных барьеров нарушает баланс интересов личности, общества и государства. Интернет выступает одновременно и как мощное СМИ, предоставляющее в распоряжение пользователя онлайн-версии всех сколько-нибудь значимых печатных и электронных СМИ, и как коммуникационная среда, обеспечивающая межгрупповые и межличностные контакты. Именно здесь возникают виртуальные сообщества, которые в ряде случаев становятся реальной гражданской силой.

В России в последние годы закрытыми для исследований и выражения своего мнения темами становятся любые проблемы, которые тем или иным образом затрагивают действующую власть и её устои. Современное состояние со свободой слова в России можно охарактеризовать как возвращение цензуры, выражающееся в тотальном контроле за средствами и каналами информации. Мы наблюдаем явления, существовавшие в советское время, когда несогласные с политикой государства авторы приспособлялись к условиям советской тоталитарной системы через самиздат, «тамиздат», конспиративный обход цензуры, скрытые подтексты и т.д.

В России цензура присутствует не только в СМИ и интернете - за последние годы наметилась тенденция цензурирования в книгоиздании, если

это затрагивает интересы власти (достаточно вспомнить внесудебное изъятие тиражей и запрет распространения книг А. Литвиненко «ЛПГ (Лубянская Преступная Группировка)» и «ФСБ взрывает Россию» (написанной совместно с Ю. Фельштинским); изъятие из книжных магазинов и библиотек книг, показывающих другую трактовку советской истории и роли Советского Союза во Второй мировой войне (книги историков Э. Бивора (автор на основе архивных данных рассказывает о массовых изнасилованиях немецких женщин советскими военнослужащими) и Д. Кигана в Свердловской области, А. Гогун, Д. Фельдмана, Т. Фрейденссон и других).

Принятые в России законы, криминализирующие «оскорбление чувств верующих» отсылают нас к ранним формам цензуры, нацеленных на предупреждение безнравственности. Власть использует мотив «оскорбления чувств верующих» для цензуры, надзора за общественными нравами, осуждением сексуальной тематики.

Цензура в России как проявление систематического контроля над средствами и каналами информации осуществляется при непосредственном участии власти и в некоторых случаях сопровождается насилием (контролируемый террор).

Случаи проявления цензуры в России можно продолжать бесконечно (запрет критики власти со стороны госслужащих; принятие законодательства о запрете так называемой «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних»; засекречивание данных о военных потерях в мирное время; засекречивание данных о собственниках недвижимости; введение так называемого «закона о забвении» и т.д.).

Методы цензуры в России включают не только внутренние каналы информации, но также затронули и внешние источники: 1) ужесточился контроль за почтовыми, телефонными и телеграфными сообщениями из-за границы; 2) из-за введений ограничений на владение СМИ иностранцами некоторые радио- и телестанции вынуждены были остановить вещание в России; 3) введены требования необходимости уведомления о втором гражданстве; 4) под предлогом безопасности полётов вводятся ограничения на поездки за границу; 5) в отношении целого ряда госслужащих введён запрет на выезд за границу, что грубо нарушает конституционный принцип свободного въезда в страну и выезда из неё.

Таким образом, в России мы наблюдаем введение законодательных ограничений на реализацию свободы слова, признаки цензуры за внутренними и внешними источниками информации, что идёт вразрез с конституционным принципом свободы мысли и слова. Власть в очередной раз не извлекла уроков из собственной печальной истории – тотальной цензуры, что привело к политическому, культурному отставанию страны. На наших глазах мы наблюдаем «осевой поворот» Ясперса [9], когда окружающая нас реальность демонстрирует как страна погружается в практики тоталитарного государства, где власть находится вне конституционного поля. Действующая власть постоянно нарушает конституционные нормы, уводя

практику в сферу неформальных правил. Сложилось своеобразное параллельное псевдогосударство с фактически «параллельной» конституцией.

Современная ситуация в России характеризуется противоречием между юридически закреплёнными конституционными нормами и политической реальностью. Такую ситуацию можно обозначить как существование мнимого конституционализма, где конституционные нормы вообще не действуют на практике.

В качестве путей выхода из ситуации кризиса идеи прав человека и демократии требуется реализация таких мер, как создание гарантий прав человека, действенных учреждений их защиты как на внутреннем уровне, так и на международном; осознание того факта, что права человека являются фактором не только гражданского, но и экономического развития [8], утверждения ценности человека и перераспределения власти от влиятельных субъектов к каждому человеку и любой группе, которая стремится защищать интересы личности.

Примечания:

1. Валадес Д. Контроль над властью. М., 2006.
2. Заключение Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека на проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [Электронный ресурс] // Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. Режим доступа: http://www.president.sovet.ru/files/89/d1/89d140676b1db4803_6ea33015a5b9ab0.pdf. Дата доступа: 10 октября 2016 год.
3. Мюллерсон Р. Два мира – два права? Геополитика под прикрытием законности и морали // Россия в глобальной политике. 2014. № 2. С. 86-95.
4. Неклесса А. И. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. 002. № 9. С. 103-112.
5. Путилов И. Тотальный контроль: как «пакет Яровой» изменит жизнь крымчан [Электронный ресурс] // Крым. Реалии. – Режим доступа: <http://ru.krymr.com/a/27852441.html>. – Дата доступа: 10 октября 2016 год.
6. Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 97-ФЗ (в редакции от 21 июля 2014 года) «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 10 октября 2016 год.
7. Федеральный закон Российской Федерации от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ (в редакции от 6 июля 2016 года) «О Федеральной службе безопас-

ности» [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. Дата доступа: 10 октября 2016 год.

8. Ferrajoli L. The Crisis of Democracy in the Era of Globalization // Law and Justice in a Global Society. Granada. Espana. 2005. P. 53-59.

9. Jaspers K. Vom Ursprung und Ziel der Geschichte. Zurich: Artemis-Verlag, 1949. 349 s.

Шумских А.А., Латанова Ю.А., Письменов В.Н.

К ВОПРОСУ О ПРАВАХ ЧЕЛОВЕКА В НЕПРИЗНАНОЙ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Данная статья посвящена рассмотрению наиболее значимых на сегодняшний день особенностей, связанных с непосредственным соблюдением прав и свобод человека и гражданина в Донецкой Народной Республике, которая является непризнанной. Особое внимание уделяется тем нормативно-правовым актам, которые были приняты или только разрабатываются в целях защиты каждого человека.

«Чтобы страна могла жить, нужно, чтобы жили права», - слова известного публициста Адама Мицкевича. Этими словами он указывает на то, что любое демократическое государство не может существовать без правового статуса личности, а именно без закрепления основных прав и свобод. Ведь самая главная цель государственности – это обеспечение интересов общества [5, с. 58]. Следует отметить, что основы российской Конституции также имеют значение в развитии наиболее важных прав и свобод человека, которые закреплены в ст. 2: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства» [4, ст. 2].

11 мая 2014 года Донецкая область приняла решение выйти из состава Украины. Местная власть в пределах территории Донбасса провела референдум, итоги которого показали невероятные числа и заставили задуматься о дальнейшем реформировании. По данным ЦИК ДНР, большинство населения Донецкой области проголосовали «за», а если быть точнее - 74,87 % от всего количества жителей данной территории [6]. Украинская власть не была согласна с таким решением, они утверждали, что данное голосование является нелегитимным. Но всё же было принято решение об образовании нового государства – Донецкой Народной Республики, которая на 2016 год считается непризнанной. В результате данного события, начались постоянные конфликты с Украиной, которые в дальнейшем переросли в Гражданскую войну.

2014 год стал непростым для миллионов жителей Донбасса. Права и свободы на территории зоны антитеррористической операции утратили свое значение. Следует отметить, что основное право на жизнь было пере-